

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАЭ: ЭТНОГРАФИЯ

Ю.М. Ботяков

ИНСТИТУТ ТРЕТЕЙСКОГО СУДА У АБХАЗОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

С момента окончания в 1993 г. грузино-абхазской войны столица Абхазии Сухум становится городом, в котором происходит резкое изменение состава населения. Подавляющая часть горожан грузинской национальности оставляет город, а их место занимают представители сельского (главным образом абхазского) населения. Абхазы-переселенцы, оказавшись в новой для себя городской среде, воссоздали привычную для них модель сельского территориального сообщества.

Одним из явлений социальной жизни, сложившихся в сельской среде и перенесенных на городскую почву, является традиционный институт посредников (медиаторов), в задачу которых входит примирение конфликтующих сторон. При этом для абхазов, проживающих как в селах, так и в городе, актуальность этого института носит одинаковый характер. Нашей задачей является попытка отметить наиболее характерные особенности городской, стадияльно-поздней модели традиционного медиаторского суда.

Как и в предшествующий исторический период, в настоящее время успешное разрешение любой спорной проблемы в первую очередь связано с правильным выбором посредника, рекомендации / установки которого должны окончательно примирить стороны конфликта или, в крайнем случае, его локализовать. Известно, что традиционно народными судьями становились наиболее авторитетные члены общины, достигавшие этого почетного и вместе с тем ответственного положения к преклонным годам. Однако как именно подбирался посредник для разрешения того или иного конкретного вопроса?

Приведем комментарий одного из наших информантов, известного Сухумского медиатора, данный им к вопросу о выборе кандидатуры посредника. В нем отчасти содержится ответ на этот вопрос, во всяком случае, показана методология самого начального этапа разрешения конфликта.

«Это зависит от... ситуации... Мы все друг друга знаем... устанавливаем, кто он? И потом вычисляем, **кто на него может подействовать, к кому он прислушается:** к дяде своему, фронтовику, сокамернику, сослуживцу... и таким путем подходим, восстанавливаем. Там ему скажут: «Ора, ты туда не лезь. Оставь этих людей. Ты нас позоришь, не делай так». Люди на него влияют... Если, допустим, он сам [медиатор] не может столько сделать, он найдет таких людей, которые помогут... я бы сказал — везде такие люди есть... Могу отправить их самих по адресу: “Идите к этому человеку, он вам поможет”» [ПМА 1847: 53–57].

Ключевой является фраза: «Кто на него может подействовать», так как выбор посредника связан с учетом не просто его высокого общественного статуса как такового, но и ряда конкретных обстоятельств личного характера, когда слово посредника, его просьба не могут быть проигнорированы. Для нас важно отметить, что при таком выборе посредников «территориальный» аспект сам по себе не является принципиальным; иначе говоря, в этом отношении не существует особой специфики в деятельности городского или сельского медиатора.

«(Как решают конфликты в городе?). Конечно, обращаются к медиатору, но это не обязательно житель этого дома. Опять же, он может быть из деревни или другого конца [города]» [ПМА 1895: 9].

Собственно и практика известных сельских медиаторов не была связана исключительно с территорией их селения, а могла охватывать значительно более широкий ареал, нередко выходя за границы собственно Абхазии.

Городскую специфику в решении конфликтов один из наших информантов связал с такой особенностью, как многоуровневость народного разбирательства, когда автономно друг от друга разбираются дела в среде представителей различных возрастных страт.

«В наших домах есть авторитетные, уважаемые старшие. Часть вопросов они решают. Часть вопросов среднее поколение решает. И часть вопросов молодежь решает... минуя всех, абсолютно по каким-то понятиям» [ПМА 1894: 58].

Если говорить о системе посредничества, принятой в молодежной среде, то речь здесь может идти о сугубо частных конфликтах, которые не затрагивают, например, межфамильных отношений и могут разрешаться без привлечения старшего поколения. Во-первых, важен сам факт функционирования в молодежной среде института посредничества. Во-вторых, несмотря на известную специфику медиаторского «молодежного» разбирательства, где основным вопросом является выявление виновной стороны и восстановление паритета, при его проведении, как и в традиционном разбирательстве, отсутствует такой аргумент, как силовое давление одной из сторон конфликта.

Несмотря на то что самостоятельный характер молодежных разбирательств, также как и в известной мере автономное положение молодежи по отношению к обществу, можно рассматривать в качестве приметы городского образа жизни, будет неверным говорить о том, что это явление возникает впервые на городской почве.

Наш информант, вспоминая, как в селении Члоу в советское время совет старейшин безуспешно пытался разрешить конфликт между двумя молодыми людьми — представителями двух фамилий, закончил рассказ следующими словами: «И приезжают еще разные ребята авторитетные из разных ближайших сел, ... тоже присутствуют. Потом сказали совету старейшин, этим старикам: “Дайте нам какое-то время, полчаса. Мы сами поговорим с ними, мы это решим”. Они их завели в комнату, пообщались. Они вышли, поцеловались перед всеми и разошлись. Никто не знает, о чем поговорили» [ПМА 1894: 61–62].

Вне зависимости от места своего проживания медиаторы являются продолжателями и носителями традиционных форм и методик посреднической практики. Приведем рассуждения нашего информанта, часто приглашаемого на примирения. Речь идет о психологическом воздействии одного из стандартных приемов, который он использует во время своей практики.

«Наши абхазские обращения, когда начинаем разговаривать с человеком, задаем ему пару вопросов: фамилия, род, кто соседи?»

Он уже начинает сразу понимать, что попадает, потому что все-таки каждый человек знает, что он делает неправильно. И он когда видит, что перед ним такой человек, который может его с (э)той позиции одернуть, что он там ничего не может сделать, он уже морально начинает ломаться» [ПМА 1847: 72].

Тем не менее, несмотря на существующую в условиях города широкую возможность выхода на посредника, многие конфликты разрешаются именно при участии жителей конкретного соседского сообщества. И это легко объяснимо, так как речь идет о конфликтах, развивающихся в среде соседского коллектива. Приведем один из примеров, который, с нашей точки зрения, весьма показателен в этом отношении, поскольку этот конфликт связан с сугубо внутренними «поселковыми» делами, которые не могут решать посторонние, не знающие ни его подоплеки, ни мотивации участников событий.

Суть конфликта с позиции главных участников события сводится к следующему. Одна из жительниц квартального сообщества решила «женить» на себе попавшего под ее влияние молодого человека. При этом общественное мнение, не говоря уже о решении близких родственников молодого человека, складывалось неблагоприятно для брака, так как предполагаемая невеста пользовалась репутацией женщины «легкомысленного поведения». Когда развитие событий дошло до кульминации, старший дома и его помощники сочли необходимым вмешаться и пригласили женщину на конфиденциальный разговор. «Ни одного кривого слова не сказали. Единственное, что мы сказали: “Ты в свое время не сберегла себя. Свою честь. Ты могла бы иметь этого прекрасного парня. Теперь Бог так сделал, что он тебе не достанется, потому что у него своя судьба. Ты не должна его губить”... Похвалили: «Ты умная девочка, ты должна сделать правильный выбор, если ты будешь это продолжать, ты будешь изгоем. Тебя никто не будет воспринимать в обществе. Зачем тебе это? Может, ты найдешь себе подобного, и у тебя будет счастливая жизнь, семья и т.д. Мы терпели столько времени, а теперь подошел момент, когда мы хотим сказать и потребовать, что так вести себя нельзя. Ты должна отойти от этого парня» [ПМА 1896: 36].

Отметим, что старшие дома рассматривали свое вмешательство как проявление традиционной работы медиаторов. «Этот разговор был сельский. Мы не совсем старые люди, как старцы погово-

рили. Не унизили ее» [ПМА 1896: 36]. Инициатива провести разговор принадлежала именно старшим дома, т.к. близкие молодого человека, несмотря на свою чрезвычайную в этом заинтересованность, к ним за помощью не обращались. При этом участники разговора с молодой женщиной не рассматривали свои действия как «посягательство на чужие права» или как превышение своих полномочий. Высокая степень консолидации соседского коллектива позволила им также обозначить и возможную перспективу применения мер активного воздействия в том случае, если их требование останется не услышанным. «Не прекратишь, мы сделаем так, что ты жить здесь не будешь. И мать твою прогоним, и отца прогоним, и тебя прогоним» [ПМА 1896: 35].

В тех случаях, когда конфликтная ситуация уже не является сугубо внутренним делом жителей соседского сообщества, ее разрешением, как уже отмечалось, занимаются медиаторы, имеющие наибольшее влияние на участников противостояния. И здесь мы обратим внимание на такую специфически городскую их категорию, как представители криминального сообщества. Наш материал не позволяет рассмотреть этот вопрос с достаточной полнотой, тем не менее мы можем обозначить общие черты положения этой группы посредников по отношению к традиционному институту третейских судей.

Как часто и по каким поводам обращаются к этой категории посредников? С точки зрения одного из наших информантов, обращение за помощью к представителям криминального сообщества объясняется тем, что их вмешательство удобно своей оперативностью и беспристрастностью.

«Вот к нему пойдешь, они быстро (во всем) разбираются. Быстро и очень добросовестно, и очень честно. И в итоге получается... и тому дают знать, что он... не то, что там угроза. Ему говорят: «Ну, ты виноват». И почему виноват, тоже объясняют. Разбирают так дело, что друзьями расходятся или врагами, но оба удовлетворены и претензий друг к другу нет уже по этому поводу» [ПМА 1895: 48].

Этот же информант следующим образом прокомментировал вопрос разделения сферы компетенции народных посредников. «Если с кем-то у меня неполадки были, я к этому вору обращусь или авторитетному, потому что это быстро разрешится вопрос. А уже чисто житейское, кто-то разошелся там, кого-то помирить

надо... скорее всего, обращусь к таким людям, как мой отец... Я интуитивно чувствую, куда податься» [ПМА 1895: 50].

Слова другого нашего информанта в целом созвучны сказанному. «И идут [к ним] немало. Но вот последний год-два, может быть чуть меньше. Во всяком случае, уровень проблем, с которыми к ним идут... какая то часть этих... Они отселились. Остались крупные проблемы: жизнь и смерть. А вот какие-то частные, сиюминутные... уже к ним не ходят, а раньше ходили. В частных моментах даже ходили» [ПМА 1895: 13].

Такое явление, как включение посредников из криминального сообщества в контекст общественной жизни, непосредственно связано со следующим коренным вопросом — вопросом их авторитета в глазах населения, делающим их положение арбитров легитимным. Наглядным примером тому могут служить биографии известных в Абхазии в 1960-х годах братьев-близнецов Вани и Ванечки Авидзба, жителей селения Эшера.

Братья Авидзба, согласно рассказам земляков, за свою жизнь не раз становились участниками громких уголовных дел, за что получали длительные сроки наказания, совершали дерзкие побег и заслужили авторитет в преступном мире. Более важным для нас в этой связи является то, что не меньший авторитет они заслужили среди населения, и в первую очередь у жителей их родного селения. «В народе у нас они, конечно, большую славу имели, вот даже такое сравнение маленькое было: когда президент идет, дорогу дают, а эти люди, где пришли, для них дорога была, даже тишина... такое влияние они имели» [ПМА 1960: 21].

Наши информанты, оценивая ситуацию адекватно, безусловно, не могли одобрить преступную деятельность этих людей, но так как она была сопряжена с рядом важных обстоятельств, братья все же пользовались уважением. «Не то что грабили, убивали, нет, справедливые. Когда мы говорим справедливые, грабить, конечно, не справедливо, мы противоречим сами себе, но...» [ПМА 1960: 25].

Это «но» заполняется значимым для населения содержанием. Во-первых, братья являлись людьми большого личного мужества, что не могло не вызывать к ним симпатии со стороны местного населения. При этом не было случая, чтобы в родном селе кто-то мог обвинить их в неблагоприятном поступке. Напротив, вся их деятельность, по словам наших информантов, была направлена на под-

держку широкого круга родственников и знакомых. Они с должным пиететом относились к вопросам чести своей фамилии («Не дай Боже ихнюю фамилию если кто-то ущемил несправедливо...») и не игнорировали своими обязанностями членов общины.

Очень важной для братьев оставалась патронажная функция, которая широко распространялась на жителей той территории, где они проживали. «Когда Ваня, Ванечка пришли в Новый район жить, Новый район отдыхал. Они [жители] спокойно спали» [ПМА 1960: 30]. Даже смерть одного из братьев стала следствием его попытки оказать помощь попавшему в беду человеку. Считается, что Ванечка был убит выстрелом сзади, когда он занимался разрешением проблемы некоего молодого парня, проигравшего крупную сумму денег.

Отметим, что влияние этих людей было настолько заметным, что во время войны 1992–1993 гг. существовала точка зрения, согласно которой армия Госсвета Грузии не вошла бы на территорию Абхазии, если бы братья к этому времени оставались живы. «К нам в первую очередь направили преступников. Когда появились преступники, в народе так сказали: если бы они были живы, эти преступники не зашли бы сюда. Вы учтите, что они близко были знакомы с этими Иоселиани, Китовани, это же преступный мир был. Не может быть, чтобы они не могли на них повлиять. Это сто процентов». [ПМА 1960: 30]. Впрочем, харизма этих людей (во всяком случае, признаваемая в среде их однофамильцев) позволяет проецировать их влияние и на события сегодняшнего дня. «Сейчас в нашей жизни встречаются такие безобразия, а может быть, если бы они жили до сегодняшнего дня, таких безобразий, может быть, не было бы. Я так думаю» [ПМА 1960: 22].

Возвращаясь к современным событиям, приведем точку зрения нашего информанта, которую он дает криминальным арбитрам, в основных положениях сопоставимую с характеристикой братьев Авидзба.

«Насколько я знаю, уважающий себя авторитетный криминал... они у себя не воруют, по соседству, наоборот защищают, свою улицу или параллельную улицу. Или вот район. Теперь как они делают. У простого обывателя... если не помогут, то никогда в жизни не помешают. Они могут взять, залезь в квартиру, угнать машину у того, кто, скажем, государственный чиновник. Если он правильный вор в законе» [ПМА 1895: 47].

При этом следует иметь в виду следующее. При всем возможном уважении, которым могут пользоваться криминальные лидеры, руководствующиеся в своей жизни законами «справедливости» (и, что, собственно говоря, позволяет им в глазах населения выполнять функции арбитров), никто из наших информантов не рассматривал эту категорию людей в качестве прямых наследников традиционного морально-этического кодекса абхазов.

«По законам апсуара [абхазский традиционный этический кодекс] живут старики, как мой отец. А те... закона апсуара там нет» [ПМА 1895: 49].

Между тем по этому вопросу интерес представляет точка зрения самих представителей криминального мира. По мнению нашего информанта, знакомого с ней, они не только не отделяют себя от абхазского культурного наследия, а позиционируют себя как прямые наследники исконного абхазского образа жизни.

«Криминал говорит: “А вот это тоже то настоящее абхазское, что мы исповедуем». Они ведь на самом деле пользуются всем абхазским... Вот мы, вот наша вера, вот наша психология, вот наши поступки”. И приводят кучу разных примеров из действительной жизни, из древней жизни... Они пользуются всем абхазским. Они здорово выучили. Удивительно!» [ПМА 1895: 12].

Представителями криминального сообщества апсуара декларируется как главный закон жизни абхазов, они подчеркнуто уважительны со стариками, это люди, для которых дела и проблемы их фамилий всегда стоят на первом месте. При этом позиционируемый образ жизни имеет отношение лишь к совершенно определенной части криминального сообщества — ее элите, именно тем, кому приходится выступать в роли арбитров.

«Но там надо четко различать, там есть люди, которые самый верхний эшелон — судьи, или, как они их называют, которые решают конфликт. Я о них говорю. А эта мелюзга, которая ниже, она грубозычная, она ничего не понимает. Но вот эти люди, которые вершат... они удивительные на самом деле. Они разрушат любое сознание» [ПМА 1895: 13].

Позиционируя себя как носителей абхазского образа жизни, арбитры криминального сообщества прекрасно владеют арсеналом тради-

ционного ораторского искусства, проводя свои разбирательства, по мнению нашего информанта, не только не нарушая норм этикета, но и демонстрируя виртуозное их знание. Завершая этот сюжет, приведем описание фрагмента подобного разбирательства.

«И вот стоит одна фамилия, и вот стоит другая фамилия. И у них еще куча родственников, которые тоже представляют фамилию. Проблема была очень тяжелая. И он вдруг начинает говорить. Извиняется перед этой фамилией, перед этой, что ему придется вместо таких уважаемых людей самому решать эту проблему. И он еще раз переспрашивает: все ли согласны с этим, что он будет решать эту проблему. Если никто другого мнения не имеет, просит его извинить, что он должен удалиться и решать эту проблему. И он такой оратор! Я смотрю: стоит древний абхазец и разговаривает! (смеется) Он всех там покорил. И он решил проблему. Непримири- мых людей...они через полчаса поцеловались, обнялись и ушли. И сейчас дружат... Это сила логики, сила слова, сила убеждения» [ПМА 1895: 16-17].

В итоге отметим следующее. Традиционный медиаторский суд — явление в равной степени характерное как для сельского, так и для городского населения. Однако в условиях городской среды этот институт претерпевает значительные изменения. В качестве явной тенденции трансформации института народного посредничества, в первую очередь в городской среде, можно выделить то обстоятельство, что возраст народных судей, безусловно, уменьшается. Характерной особенностью городского медиаторского суда является факт участия в этом процессе посредников, принадлежащих криминальному сообществу, элита которого в случае необходимости проводит разбирательства, используя принципы и приемы традиционного ораторского искусства. Кроме того, можно говорить о значительной автономности посреднической практики в среде современной городской молодежи.

Источники

- ПМА. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1847.
- ПМА. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1894.
- ПМА. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1895.
- ПМА. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1896.
- ПМА. Архив МАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1960.